

УДК 159

DOI: 10.34670/AR.2022.57.64.016

Самоорганизация как особенность жизни крестьянской общины Русского Севера

Голованов Максим Владимирович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры управления социально-политическими
процессами и истории,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
196601, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Пушкин,
Петербургское шоссе, 2;
e-mail: Golovanov@mail.ru

Туфанов Александр Олегович

Доктор философских наук,
завкафедрой управления социально-политическими процессами и истории,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
196601, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Пушкин,
Петербургское шоссе, 2;
e-mail: Golovanov@mail.ru

Аннотация

Самоуправление народа – вид социального управления, который основан на самоорганизации, саморегулировании и самодеятельности участников общественных отношений. Самоорганизация в социальном смысле – это самостоятельное существование организационных действий. Саморегулирование – самостоятельное установление норм и правил поведения. Самодеятельность – самостоятельная деятельность по принятию решений и их реализации. При самоуправлении объект и субъект управления совпадают, люди сами управляют своими делами, принимают совместные решения и совместно действуют, реализуя принятые решения. Свобода, равенство, непосредственное участие – основные принципы самоуправления. В статье рассматривается самоорганизация как особенность жизни крестьянской общины русского Севера. Авторы отмечают, что общинные и артельные формы народной жизни, зачастую тесно переплетенные, составляли существенную особенность уклада жизни Отечества в целом. Все они проникнуты были духом самоорганизации и самодеятельности, началами творческими и созидательными, а организационную форму всем этим жизненно важным явлениям придавало российское самоуправление.

Для цитирования в научных исследованиях

Голованов М.В., Туфанов А.О. Самоорганизация как особенность жизни крестьянской общины Русского Севера // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 3А. С. 102-109. DOI: 10.34670/AR.2022.57.64.016

Ключевые слова

Крестьянская община, самоорганизация, самоуправление, уклад жизни, традиция, Русский Север.

Введение

В России имелась и продолжается существовать интересная самобытная традиция исследования феномена самоуправления. В стране традиции местного самоуправления реализовывались по преимуществу в виде общественного самоуправления. Традиционные формы общественного самоуправления развивались с X по XX столетие. В частности, это были вечевое, земское и посадское самоуправление, которые развивались в Средневековой Руси и органично были связаны с особенностями государственного устройства. В русле идей общественного самоуправления формировались и статьи Положения 1864 года о введении земств и земских учреждений. Согласно этому Положению, земские учреждения не были включены в общую систему государственного управления, а поставлены рядом с нею. В этом, однако, по мнению некоторых русских ученых-правоведов (Градовский, Безобразов, Чичерин), заключалась и основная слабость земщины в пореформенной России.

Важным фрагментом общественного самоуправления выступает самоуправление общинное. Этой традицией самоуправления по преимуществу занимаются представители исторической науки и такой философской науки, как религиоведение. Поскольку религиозные общины – это неотъемлемая часть общинной деятельности в целом, то религиоведческий анализ общинного самоуправления вполне естественен и закономерен.

Анализ теоретической и практической культурологии старообрядчества показал несомненную типологическую близость старообрядческих общин средневековой культуре, и старообрядчество в этом плане можно рассматривать как живое развитие русской народной культуры [Гуревич, 1972].

Основная часть

Примером долголетия культурно-религиозных традиций старообрядчества в России выступает опыт поморского Севера и Северо-Запада, где старообрядчество стало основой крестьянской общины.

К этим традициям относятся общинные формы хозяйства и быта, существование православных «приходов-общин», наличие местного самоуправления. Поморье, да и вообще весь русский Север в силу этого были особо подходящей почвой для распространения «старой веры». Каждый приход на Севере являлся независимой и сильной церковной и административной единицей и выполнял многочисленные функции местного самоуправления. Авторы фундаментального исследования истории русской православной церкви в связи с этим отмечают: «Еще до раскола в Русской Церкви существовал так называемый Поморский Богослужебный устав, который применялся более всего на Русском Севере – в Поморье, где один священник приходился на несколько приходов, и Богослужение часто совершалось в его отсутствие причтом местной часовни. Традиция использования Поморского богослужебного устава в пору оскудения священства в старообрядчестве была освящена авторитетом крупнейшего в Поморье в первое время раскола центра староверия – Выговского монастыря, а также оставшимися в живых и рассеявшимися после разгрома иноками Соловецкого монастыря

– этого северного оплота древляго Русского благочестия. Первые старообрядческие беспоповские духовные наставники получили благословение именно от иноков Соловецкого монастыря» [Данилушкин, 1997].

«Приходы-общины» на русском Севере были практически вне контроля со стороны центральной духовно-церковной и светской власти. В центральных же областях страны общинные крестьянские миры существовали в рамках крупного землевладения. «Мирское самоуправление, – писал Н.П. Павлов-Сильванский, – сохраняется в ослабленном значении; оно живет под рукою барина на его земле». Сельский мир в центре России сохранял еще право выбора должностных лиц самоуправления, но староста находился в полном подчинении у бургомистра, назначенного владельцем поместья, и лично был не свободен. Крестьянская община, объединенная принципом круговой экономической поруки, могла еще решать самостоятельно вопросы хозяйственного порядка, но под полным контролем помещика и его администрации. Исследователь народной жизни русской деревни В.И. Семевский писал: «Раскладка податей и оброка предоставлялась обычно усмотрению мира, а помещик лишь иногда вмешивался в это дело, предписывая облегчить бедняков и наложить больший сбор на богатых, что, впрочем, делалось и без приказа помещика. Конечно, господин влиял на распределение оброка уже тем, что накладывал и снимал тягла, но, определив их количество, он обыкновенно предоставлял самим крестьянам раскладку денежных и натуральных повинностей в пользу помещика и государства» [Семевский, 1881].

Русский же Север надолго законсервировал традиционный уклад земской жизни и те отношения, что характеризовали его. На Севере не сложилась система крупного (служилого) землевладения, и его население избежало крепостного права, а состав общества был достаточно однородным, почти исключительно крестьянским. Социальная структура сельской русской общины определялась отношениями экономическими, прежде всего зависела от характера владения землей. П.А. Соколовский, автор очерков истории сельской общины на Севере, писал: «Главную массу населения в них составляли крестьяне. Это были, во-первых, оседлые земледельцы, имевшие свой дом и двор и долю в земле и угодьях и называвшиеся пашенными или крестьянами (тяглыми, оброчными); во-вторых, мелкие торговцы, ремесленники, имевшие двор, но не участвовавшие в земле и носившие название непашенных людей. Они составляли повсюду относительно ничтожный процент, что совершенно понятно при исключительно почти земледельческой культуре той эпохи. По имуществу крестьяне делились на лучших, средних и младших, но нет оснований полагать, что эти разряды различались по своему значению в общине. Кроме крестьян в состав общины входили еще подворники, захребетники, казаки, бобыли, подсудники и задворные люди. По своим личным и имущественным правам все эти люди были также полноправны, как и крестьяне, и отличались от этих последних лишь своим экономическим положением» [Соколовский, 1877].

Самоуправление на русском Севере имело глубокие исторические корни. Способствовали этому те социокультурные традиции, что сформировались во времена Новгородской республики. Новгород, некогда безраздельно владевший Поморским краем, колонизировавший его, привнес туда свойственный его гражданам дух самостоятельности, самоорганизации и свободы.

Влияние вольного Новгорода распространялось далеко за пределы собственно новгородчины. В сфере этого влияния был весь Север. Русский Север включал в себя территории Поморья, обширные земли северо-запада. На формирование культуры самоуправления северных земель оказывали воздействие местные условия, в первую очередь

социальные и природные. Хозяйственные союзы, которые сложились на Русском Севере, стали естественной основой для возникновения и деятельности земских учреждений. В данном случае это земельная община и городской посад и соответствующие им самоуправленческие единицы.

В основании самоуправления Российского Севера лежал сельский «мир». Как отмечал исследователь Русского Севера и его культуры М.М. Богословский, «"мир" на севере, это – самоуправляющийся, публично-правовой общественный союз, связанный интересами общего блага» [Богословский, 1909]. Поморский крестьянин был теснейшим образом связан с мирской организацией, к которой он принадлежал. В «миру» осуществлялись хозяйственные интересы населения, которые требовали коллективного труда и общественных средств. Поэтому сельский «мир», прежде всего, выступал в качестве хозяйственного объединения, сосредотачивающего не только коллективный труд, но и обладающего общим (общинным) имуществом. «Мир» – субъект имущественного права, то есть права гражданского. В таком качестве он являлся юридическим лицом. Однако в еще большей степени сельская община представляла собой хранилище народных традиций, обычаев, установлений народного творчества. «Мир» – это коллективная память русского сельского жителя, российского крестьянства.

Органом самоуправления сельского «мира» выступал мирской сход или «мирской совет». Одной из особенностей жизни на Севере являлась территориальная разбросанность населения. Огромные земельные площади и немногочисленное население характеризовали его. Города на Русском Севере – это скорее исключение, чем правило. М.М. Богословский писал по этому поводу, что «город на севере играл в ходе русской жизни еще менее значительную роль, чем на юге. Поморье вообще было очень бедно городами; они здесь реже, чем в других областях России. Были обширные территории, представлявшие из себя значительные административные округа, где не было совсем городов: Заонежские погосты, Устьянские волости, Мезенский уезд» [там же].

Сельский сход в силу своей малолюдности чаще всего выступал в форме волостного схода. Последний в таком случае играл роль схода первой инстанции. Проводились сходы нерегулярно, а местом проведения чаще всего служило трапезное помещение той церкви, которая была главной на данной территории. В трапезных проводились судебные заседания, там же происходило обнародование царских указов и распоряжений центральной власти. Здесь же шел прием податей, заключались торговые сделки, то есть трапезные помещения выполняли функцию и зала заседаний, и общественной приемной. Крайне редко в отдельных волостях местом общественных собраний выступали специальные земские (мирские) избы. А собирали сходы земские волостные власти, выборные должностные лица: старосты или судьи, церковные старосты, земские судейки, сотские.

Любые решения сельских сходов, каких бы вопросов они ни касались, назывались «приговорами». Однако записи «приговоров» не были протоколами в обычном, современном, понимании этого слова. То были специальные акты, фиксирующие решения «мирского совета», и вручали их тем лицам, в отношении которых сходом рассматривались поставленные вопросы. Правом участия в сходах и правом принятия решений обладали лишь те крестьяне, которые владели землей в пределах данной волости, свободные землевладельцы. Само же решение принималось по старому русскому обычаю – единогласно. Русский сельский «мир» не знал и не придерживался выборных процедур демократического образца. На сходе вопрос решался не большинством, а именно единогласно. Единогласие – принцип народного права, соответствовавший общекультурному пониманию соборности.

Одной из особенностей проведения сельских сходов в русской деревне, а северных

территорий это касалось в еще большей степени, являлся сам дух, духовно-политическая и нравственная атмосфера этого народного собрания. Свобода высказывать свое мнение, свобода защищать его всеми способами в случае необходимости была неотъемлемым правом каждого участника. Сход – это не представительный орган с его жесткой регламентацией и процедурными тонкостями, а пример прямого народоправства.

Участвовать в сходе и иметь право принятия решений было не одно и то же. Право решения исторически было и сохранялось за крестьянином-домохозяином, землевладельцем. В больших патриархальных крестьянских семьях таким правом обладал лишь «большак», глава семейства, причем до тех пор, пока он способен был работать на земле. А вот участвовали в сходе и вносили свою лепту в общую атмосферу обсуждения вопросов и безземельные общинники, бобыли, а иногда и женщины. Для Центральной России это было скорее исключением из правила, а для Русского Севера – повседневностью. Женщины-северянки в промысловых районах, где преобладали такие занятия, как рыболовство, охота, лесоповал и смоловарение, зачастую несли основную нагрузку земледельческого труда и поэтому имели право на собственное мнение.

Еще одна особенность проявления независимости духа народного схода на Севере – это участие в нем лиц подследственных или подвергавшихся судебному преследованию. По стародавней традиции, а потом и согласно «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», которое действовало на территории всей империи, на сходы не должны были допускаться люди, состоящие под следствием или судом. Но на Севере, в частности в Архангельской губернии, те, кто подвергался судебному преследованию в данный момент или в прошлом, наоборот, пользовались наибольшим уважением и свободой высказывания на сельском сходе [Кучумова, 1992]. Формально не участвуя в принятии решения путем голосования, они влияли на «приговор» схода своим авторитетом людей, пострадавших от власти.

Таким образом, состав сельских сходов в русской деревне, а следовательно, и атмосфера обсуждения вопросов формировались как в соответствии с законодательными нормами, так и с учетом духовно-культурных традиций той или иной местности. Русская деревня, община всегда и везде прислушивалась к мнению отдельного человека, личности, а особенно человеку пострадавшему, имеющему собственный горький жизненный опыт. («От сумы и от тюрьмы – не зарекайся»).

Русская община, впрочем, это характерно и для любой другой традиционной культуры, с уважением относилась к мнению и суждениям стариков. Общее мнение и решение сельского схода во многом складывались под их нравственным влиянием. Старики были подлинными лидерами в общине. Обычно после шестидесяти лет крестьянин сдавал общине земельный надел и с него снимали повинности. Эти старики, обладавшие большим жизненным опытом и репутацией «благочестивых мужиков», составляли группу старейшин или «совет старейшин». Старейшины пользовались непререкаемым авторитетом в общине, были живыми носителями ее традиций, норм нравственного и неписаного законов, обычаев и духовных ценностей. Они формировали деревенское общественное мнение, и мирской сход принимал свое решение только с согласия стариков.

Внутриобщинные противоречия, а без них невозможно существование любого живого общественного организма, разрешались органами народного правосудия: сельскими сходами (своеобразная высшая общественная инстанция в русской деревне), третейским крестьянским судом (официально признанным лишь в начале XIX века), который объединял выборных от истца и ответчика, а также «сходом стариков».

Жизнь в общине – это по преимуществу трудоемкая земледельческая деятельность. Она связана с правом владения и пользования землей. Специфика земельного права на русском Севере многие века была связана с так называемым «захватным правом». Собственность северных крестьян на их участке возникала в значительной мере из захвата, занятия пустующих земель, которые никому не принадлежали, а затем эта собственность узаконивалась путем многократного наследования. Речь не идет о колонизации в североамериканском варианте, когда коренное население изгонялось с принадлежавших им земель. Осваивались действительно пустующие территории, незаселенные земли и неудобья. Постепенно сложилась даже своеобразная технология разработки и освоения неудобья.

Лишь со второй половины XVIII века на Севере формируется русская поземельная община и появляется уравнильно-передельное пользование землей, что было характерно для центральных регионов страны. Волость становится после этого субъектом владения территории. Собственность волостной общины складывается из земельного имущества прежних владельцев земель (обычно после смерти крестьянина-землевладельца).

Общинные начала на Севере включали в себя и наличие широко распространенного артельного характера жизни крестьянина-северянина. По мнению русского человека, артель, как и община, – великая сила. Поговорка «артелью и города берут» характерна для русской речи. Формы артели существовали самые разнообразные: складчины, братства, ватаги, дружины, товарищества, собственно артели (земледельческие, промысловые, ремесленные и торговые). Артельное движение характерно для русского человека, осваивающего суровый север, оно впоследствии становится отличительной чертой всей социально-экономической жизни дореволюционной России.

Заключение

Таким образом, в России традиции местного самоуправления реализовывались по преимуществу в виде общественного самоуправления. Общинные и артельные формы народной жизни, зачастую тесно переплетенные, составляли существенную особенность уклада жизни Отечества в целом. Все они проникнуты были духом самоорганизации и самодеятельности, началами творческими и созидательными, а организационную форму всем этим жизненно важным явлениям придавало российское самоуправление.

Библиография

1. Богословский М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1909. 105 с.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. 350 с.
3. Данилушкин М.Б. (ред.) История Русской Православной церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. В 2 т. Т. 1. СПб., 1997. 706 с.
4. Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX в. (к вопросу об «отсталости» систем полеводства) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 3(7). С. 81-86.
5. Кучумова Л.И. Сельская община в России. М., 1992. 64 с.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 549 с.
7. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. 571 с.
8. Соколовский П.А. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877.
9. Туфанов А.О. Пути становления земско-крестьянского самоуправления в России: социально-философский анализ. СПб., 2011. 276 с.
10. Туфанов А.О. Российское самоуправление: социально-философские основания. СПб., 2011. 195 с.

Self-organization as a feature of the life of the peasant community of the Russian North

Maksim V. Golovanov

PhD in Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of management
of socio-political processes and history,
Saint Petersburg State Agrarian University,
196601, 2 Peterburgskoe shosse, Pushkin, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Golovanov@mail.ru

Aleksandr O. Tufanov

Doctor of Philosophy,
Head of the Department of management of socio-political
processes and history, Saint Petersburg State Agrarian University,
196601, 2 Peterburgskoe shosse, Pushkin, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Golovanov@mail.ru

Abstract

Self-government of the people is a type of social management, which is based on self-organization, self-regulation and initiative of participants in social relations. Self-organization in the social sense is the independent existence of organizational actions. Self-regulation is the independent establishment of norms and rules of conduct. Self-activity is an independent activity in decision-making and their implementation. With self-government, the object and subject of management coincide; people manage their own affairs, make joint decisions and act jointly, realizing the decisions made. Freedom, equality, direct participation are the basic principles of self-government. The article considers self-organization as a feature of the life of the peasant community of the Russian North. The authors note that communal and artel forms of folk life, often closely intertwined, were an essential feature of the way of life of the Fatherland as a whole. All of them were imbued with the spirit of self-organization and self-activity, with creative and constructive principles, and Russian self-government gave organizational form to all these vital phenomena.

For citation

Golovanov M.V., Tufanov A.O. (2022) Samoorganizatsiya kak osobennost' zhizni krest'yanskoi obshchiny Russkogo Severa [Self-organization as a feature of the life of the peasant community of the Russian North]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (3A), pp. 102-109. DOI: 10.34670/AR.2022.57.64.016

Keywords

Peasant community, self-organization, self-government, way of life, tradition, Russian North.

References

1. Bogoslovskii M. (1909) *Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v.* [Zemstvo self-government in the Russian north in the 17th century]. Moscow.
2. Danilushkin M.B. (ed.) (1997) *Istoriya Russkoi Pravoslavnoi tserkvi. Ot vosstanovleniya Patriarshestva do nashikh dnei* [History of the Russian Orthodox Church. From the restoration of the Patriarchate to the present day], in 2 vols. Vol. 1. Saint Petersburg.
3. Dorofeev M.V. (2009) *Krest'yanskoe zemlepol'zovanie v Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. (k voprosu ob "otstalosti" sistem polevodstva)* [Peasant land use in Western Siberia in the second half of the 19th century. (to the question of the "backwardness" of crop farming systems)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 3(7), pp. 81-86.
4. Gurevich A.Ya. (1972) *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow.
5. Kuchumova L.I. (1992) *Sel'skaya obshchina v Rossii* [Rural community in Russia]. Moscow.
6. Mironov B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII–nachalo XX v.)* [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century)], 3th ed. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ.
7. Semevskii V.I. (1881) *Krest'yane v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II* [Peasants in the reign of Empress Catherine II]. Saint Petersburg.
8. Sokolovskii P.A. (1877) *Ocherk istorii sel'skoi obshchiny na severe Rossii* [Essay on the history of a rural community in northern Russia]. Saint Petersburg.
9. Tufanov A.O. (2011) *Puti stanovleniya zemsko-krest'yanskogo samoupravleniya v Rossii: sotsial'no-filosofskii analiz* [Ways of formation of zemstvo-peasant self-government in Russia: socio-philosophical analysis]. Saint Petersburg.
10. Tufanov A.O. (2011) *Rossiiskoe samoupravlenie: sotsial'no-filosofskie osnovaniya* [Russian Self-Government: Social and Philosophical Foundations]. Saint Petersburg.